

А Чоу сидел неподвижно. Он только что прочистил канализацию и туалет для музыкального заведения впереди и получил несколько медяков, размышляя о том, что купить себе на еду. На призывы хозяина он не обращал никакого внимания.

— Даже А Чоу презирает твоего грязного человека! — кто-то из зрителей начал подначивать.

Хозяин, почувствовав себя неловко, бросил взгляд на двух охранников.

— Ты что, мёртвый? — один из охранников, поняв намек, пнул ногой раба-преступника, лежащего на земле.

Раб, получив удар, закашлялся, пытаясь подняться с заснеженной земли на коленях, но у него не хватило сил. Он дернулся несколько раз, но так и не смог сдвинуться с места.

— Внизу всё уже сгнило, — кто-то заметил, глядя на нижнюю часть тела раба с отвращением.

— А Чоу тоже гниёт, — отозвался другой. — Эти двое идеально подходят друг другу, чтобы не презирать один другого.

Все засмеялись. А Чоу был всего лишь нищим, а этот раб даже человеком не считался. Люди, наблюдая за ними, словно позволяли своим худшим качествам выйти наружу. Это были не их собратья, поэтому не видели смысла проявлять к ним сострадание.

— Не притворяйся мёртвым! — охранник пнул раба несколько раз, подталкивая его в сторону А Чоу.

Изо рта раба снова пошла кровь, но он молчал, позволяя охранникам пинать его, как старый мешок.

На снегу остались кровавые следы. Некоторые смеялись, другие ругались, а те, у кого было мягкое сердце, наконец, не выдержали и ушли.

— Посмотри на себя! — хозяин остановил охранников и обратился к рабу. — Даже после смерти ни один дух не захочет быть твоим соседом! Тысяча порезов не смогут очистить тебя. Ты вообще можешь считаться человеком?

— Этот раб — человек? — кто-то громко заявил. — Я что-то не вижу этого!

Несколько плевков упали на тело раба, но он не реагировал.

— Заприте его в собачью клетку, — приказал хозяин охранникам. — Теперь только мои собаки согласятся к нему прикоснуться.

Раб безразлично позволил охранникам тащить его за волосы в Дом веселья. Его лицо было обращено к нищему по имени А Чоу. В глазах раба мелькнула мольба, но вскоре взгляд снова стал пустым. По неизвестной причине охранники, протащив его несколько шагов, отпустили его волосы и остановились.

— А Чоу, ты хочешь этого раба?

Раб услышал чей-то голос и слегка повернул голову, увидев ноги в соломенных сандалиях, с торчащими пальцами и пятками, покрытыми обморожениями и сочащимися жёлтой жидкостью.

— Если ты хочешь его, я подарю его тебе на пару дней, — сказал хозяин.

А Чоу кивнул хозяину. Он не стал тащить раба, а поднял его на руки.

— А Чоу, — сказал один из уличных хулиганов, живущих на Цветочной улице. — Этот человек даже хуже собаки, а ты не брезгуешь им!

А Чоу, опустив голову, с трудом нёс раба, ноги его тоже не слушались, и он волочил их по снегу. Раб почувствовал запах трав, исходящий от А Чоу. Этот запах, несмотря на то что сам А Чоу был покрыт язвами и его лицо было настолько изуродовано, что невозможно было разглядеть первоначальные черты, был терпимым, по крайней мере, гораздо лучше, чем запах раба.

— Через пару дней верни его мне, — крикнул хозяин вслед.

Зрители снова засмеялись.

А Чоу, тяжело дыша, пронёс раба через длинную Цветочную улицу, пока не добрался до узкого переулка в глубине. Строго говоря, это был не переулок, а узкий проход между двумя соседними музыкальными заведениями, где два человека не могли идти рядом. Убежище А Чоу в Шанду находилось в конце этого прохода — полуразрушенный дом, оставшийся от кого-то, с наполовину обрушившейся крышей из соломы, которая, держась на глиняных стенах, всё ещё могла создать иллюзию защиты от ветра и дождя.

Раб сел на кучу соломы. На нём была только тонкая одежда, и дом продувался со всех сторон. Его тело уже окоченело от холода, и он тупо смотрел на А Чоу, стоящего перед ним.

А Чоу тоже смотрел на раба. Его горло было поражено ядом и покрыто язвами, он не мог говорить, но жестами попытался что-то объяснить сидящему рабу.

Раб не понял жестов, но покорно начал снимать с себя одежду.

А Чоу поспешно замахал руками, чтобы остановить его, и помог рабу надеть обратно то, что тот уже снял.

Единственный оставшийся глаз раба безнадежно смотрел на А Чоу.

А Чоу вышел и вскоре вернулся с охапкой сухих веток, разжёл костёр.

Раб сидел у костра, и в его теле появилось немного тепла, но вскоре привычная боль охватила всё его тело, проникая глубоко во внутренности, как червь, пожирающий кости.

А Чоу, увидев, как раб свернулся на соломе, снова жестами попытался что-то объяснить и снова вышел.

Раб свернулся в клубок. Лежать так было для него лучшим, что он мог себе позволить. Если бы он мог так прожить до самой смерти, это было бы идеально. Он и так недолго проживёт, но, возможно, как сказал хозяин, ни один дух не захочет быть его соседом. Может, он сможет найти место, где нет даже духов?

Когда А Чоу вернулся с двумя булочками, на Цветочной улице уже зажглись огни, и из соседних музыкальных заведений доносились звуки песен и танцев. Костёр из сухих веток уже погас, и раб был свёрнут в позе эмбриона. А Чоу положил булочки и вышел, чтобы принести

последние оставшиеся ветки. В доме снова разгорелся огонь, и стало немного теплее.

А Чоу разбудил раба, и тот, открыв глаза, увидел перед собой поджаренную булочку. Он с недоверием поднял глаза на А Чоу. Это ему?

А Чоу сунул булочку в руку раба. На костре висел разбитый горшок, в котором варились куриные и утиные кости, подобранные А Чоу. Он помешал содержимое горшка палкой, и аромат мяса разнёсся по комнате.

Раб попытался откусить булочку, но не смог.

А Чоу вскипятил бульон, налил немного в крышку горшка, взял булочку из рук раба, обмакнул её в бульон, чтобы размягчить, и накормил раба. Когда ночь опустилась и ветки закончились, двое залезли в кучу старой, заплесневелой соломы. Холод заставил их прижаться друг к другу, чтобы согреться.

Так раб остался с А Чоу. Они не разговаривали, но между ними появилось понимание. А Чоу ходил за едой, а раб, неспособный ходить, ползал из дома, собирая что-то, что можно было бы сжечь. А Чоу знал, что раб боится холода, и нагревал кирпичи в огне, заворачивал их в тряпки и давал рабу, чтобы тот согрелся. Раб тоже наносил мазь на раны А Чоу, который всегда носил с собой травы, замедляющие процесс гниения. Раб не верил, что мазь помогает, но видел, что после её нанесения жёлтая жидкость, сочащаяся из ран А Чоу, на время прекращалась, поэтому он каждый день наносил мазь на А Чоу.

Так они прожили десять дней. Они боялись, что хозяин из Дома веселья найдёт их, но тот так и не появился. Однако их полуразрушенный дом после одного из снегопадов окончательно рухнул.

А Чоу отвёл раба в место, где собирались нищие с Цветочной улицы. Раб, выросший в Шанду, никогда не знал, что на Цветочной улице есть мост Сянфэнь, под которым в четырёх арках можно жить.

Когда они добрались до арки под мостом, А Чоу начал болеть. Травы не помогали, и жидкость, сочащаяся из его ран, стала не жёлтой, а коричневой.

Раб наконец забеспокоился. Человек, не говоривший несколько лет, заговорил:

— Тебе нужно к врачу.

Его слова нищие не поняли, и рабу пришлось повторять их несколько раз, слово за словом.

Манера речи раба была странной, и нищие не поняли его, но А Чоу понял. Он указал на себя и покачал головой.

— А Чоу, — сказал старый нищий, видя, что А Чоу в таком состоянии, но всё же успокаивает раба. — Ты собрался возвращаться в Сюаньчжоу. Ты сможешь добраться туда живым?

Раб поклонился старому нищему.

— А Чоу, даже боги не смогут вылечить, — сказал старый нищий рабу. — У нас нет денег на врача, да и даже если бы были, никто бы не смог его вылечить.